На какое-то время все перестало иметь смысл. Существовал четкий цикл. Большую часть времени я спал, а в те короткие периоды, когда бодрствовал, тщетно боролся с желанием двигаться. Мои мышцы были просто настолько слабы, что я даже не мог контролировать свои обычные телесные функции, и меня приходилось переодевать. Боже, это было так неудобно. Гиганты делали для меня все - кормили, чистили, укладывали спать. Их было двое, насколько я мог судить, обе женщины.

Поначалу я спал слишком много, чтобы хорошо соображать. Постепенно промежутки времени, в течение которых я находился в сознании, увеличивались, и я смог переключить свой разум на выяснение того, что, черт возьми, происходит. Это был не ад, а если и ад, то дьявол серьезно дал себе волю. Я не испытывал никакой боли. Это было определенно странно... Когда я осознал свое положение, то издал громкий вопль, заставивший женщин броситься в комнату. Одна из них взяла меня на руки, повторив попытку успокоить, выглядя при этом довольно обеспокоенной. Я суетился и крикнул, и у меня были чертовски веские причины для этого.

Я был ребенком. Ребенком. Что это была за чертова больная шутка?

Я знаю, что при жизни я не отличался высокими моральными качествами, но это было уже слишком. Бог был чертовым придурком.

После того как я успокоился и меня положили обратно в кроватку, я стал наблюдать за окружающей обстановкой. Комната была небольшой, выкрашенной в белый цвет, с комодом в углу, но в остальном голой. Женщина, которая с нежностью смотрела на меня, закрыв лицо руками, когда наклонялась ко мне, должно быть, была моей матерью. Её глаза были светло-голубыми, искрящимися, такими счастливыми, когда она смотрела на меня. Она немного поговорила на языке, которого я не понимал. Сначала я списал это на неразвитость своего мозга, но потом вдруг узнал его.

Почему она говорила по-японски?

Я знал только пару разрозненных фрагментов, с той единственной работы в Японии, поэтому понимал немного. Но это не сильно мне помогло.

Я продолжал непоколебимо смотреть на неё, пока она говорила. Я не был счастлив. Я неосознанно начал суетиться, и она потянулась вниз и провела рукой по моей голове. Она улыбнулась, и мое сердце заколотилось. Господи, она ведь действительно любила меня, не так ли? Я снова заснул, не успев больше ничего подумать.

Со временем я продолжал наблюдать за ней, в основном за неимением ничего другого. Она была довольно симпатичной. Её длинные волосы были несносного огненно-рыжего оттенка. Это было непривычно для японки, которой она должна быть, судя по языку и зеленому кимоно, которое она носила. Она приходила в комнату, чтобы ухаживать за мной, и каждый день проводила по несколько часов, разговаривая со мной и обнимая меня. Я начал понемногу подтягивать язык, чему способствовали мои слабые воспоминания о занятиях, которые я посещал, чтобы выполнить задание. По крайней мере, с базовой грамматической структурой я

был знаком.

У женщины, которая называла себя Окаа-сан, была помощница - вторая женщина. Та приходила только тогда, когда Окаа-сан не могла, и она мне не очень нравилась. Она была толстой седовласой медсестрой в простом кимоно. Её карие глаза были очень пренебрежительными, и обращалась она со мной как можно меньше. Я всегда смотрел на неё непоколебимыми глазами, заставляя её чувствовать себя неловко, потому что это было реально единственное, что я мог сделать. Серьезно, насколько это было унизительно? Я, ассасин, профессионал инфильтрации, величайший эксперт по ядам и химикатам, которого можно купить за деньги, застрял, принимая дерьмо от уродливой бабы с мозолистыми руками. Я не мог ничего сделать. Я даже кусаться не мог, потому что у меня еще не было зубов. Боже, надеюсь, зубы появятся быстро.

Нет, подожди, я не это имел в виду. Прорезывание зубов - это больно.

Теперь я уже мог передвигаться. Я мог ползать, хотя и не очень далеко. Меня вообще не выпускали из кроватки. Я двигался как можно больше, катался, растягивался, хлопал, испытывая свое новое тело и обнаруживая, что оно просто ужасно. В своей драгоценной жизни я был очень подтянутым и привык к определенной степени свободы. Теперь же у меня не только не было сил, но я очень быстро уставал. Мои познания в языке росли, но крайне медленно, я улавливал все больше слов, хотя еще не произнес ни одного. Я все еще не знал, какое имя мне дали, и это меня несколько раздражало. Кроме Окаа-сан и медсестры, больше никто не приходил.

Однажды, когда я повторил попытку перелезть через край своей кроватки и вырваться на свободу, в комнату вошла Окаа-сан, одетая в коричневое кимоно и прикрывающая её тяжёлым плащом. Она подхватила меня на руки и завернула в толстое одеяло, прижав к груди, когда поспешила выйти из комнаты. Я успел мельком увидеть грязный коридор, уставленный множеством других дверей, прежде чем Окаа-сан понеслась вниз по лестнице и попала в холл, где ее ждала толстая медсестра. Она вывела Окаа-сан за дверь, где ждала тележка. Она забралась на заднее сиденье, прошептав мне успокаивающие слова и пригладив мои короткие волосы назад. Медсестра вышла, неся несколько пакетов, которые водрузила на тележку рядом с нами. Она что-то пробормотала Окаа-сану, который немного побледнел и кивнул. Я понял, что они сказали дальше.

"Спасибо, Юи-сан. До свидания."

"До свидания, Томоко-сама. Пожалуйста, будьте осторожны".

Она наклонила голову в нашу сторону, когда повозка отъехала. Окаа-сан укутала нас обоих в складки её плаща, отгоняя ночную прохладу. Я поднял взгляд на её бледное лицо и увидел в глазах слёзы. Она медленно погладила меня по голове и что-то прошептала. Я смотрел на город, пока мы мчались прочь. Подожди, куда мы ехали? Что, черт возьми, происходило? Ой, Окаа-сан, скажи мне! Ладно, я не могу тебя понять, но не мог бы ты хотя бы упомянуть что-нибудь об этом? Даже одно слово было бы полезнее, чем это.

Это было бесполезно. В конце концов я заснул, укачиваемый движением тележки и мягкой колыбельной, которую Окаа-сан напевал мне на ухо.

Я уже наполовину проснулся, когда повозка остановилась. Город, в который мы приехали, был гораздо больше, и я сонно разглядывал одноэтажный дом с парадными воротами и каменной дорожкой, ведущей к раздвижной двери. В целом, довольно ветхий и унылый. Человек, управлявший тележкой, спустился вниз и выгрузил пакеты. Окаа-сан уложил меня на сложенное одеяло, и я не успел опомниться, как снова погрузился в сон.

Мы стали жить в этом доме, Томоко и я. Он был небольшим, с одной спальней, кухней и гостиной-столовой в одном помещении и маленькой ванной комнатой. Хотя она не была такой экстравагантной, к которой я привык, она поддерживала чистоту и свежий запах. Мы спали на одном футоне, и впервые мне было позволено бродить, как я хочу. Ощущение было странным после многих месяцев кружения по квадратному метру отведенного мне пространства.

Я научился говорить несколько исковерканных слов, так как мои голосовые связки не привыкли работать, а язык был незнакомым; моим первым словом, что вполне предсказуемо, стало массовое исполнение "Окаа-сан"; это привело её в восторг. В конце концов я начал ходить, хотя и не очень хорошо, и часто падал, приземляясь на лицо. Когда это случалось, Томоко бросалась ко мне, чтобы подхватить и поставить на ноги, вытирая пыль и проверяя, нет ли у меня травм. Я никогда не плакал. За кого она меня принимала? Если я и плакал, то только от разочарования. Я хотел, чтобы это тело быстрее выросло. Ну, через некоторое время она перестала так сильно беспокоиться. Она была новоиспеченной мамой, так что, думаю, ничего не поделаешь, если поначалу она была немного суетливой.

Так что я тренировался ходить и говорить, хотя мог только спотыкаться, как пьяный, и лепетать полубессвязные предложения. По моим подсчетам, мне было около года, когда мы переехали.

http://tl.rulate.ru/book/106731/3836486